

ВИКТОР ШИРОКОВ

ОХОТА ЗА ЧЁРНЫМИ АЛМАЗАМИ

Рассказ

1

Зимы в Москве давно стали мягкими, вот и ноябрь 2006 года оказался вполне приличным осенним месяцем. Днём солнце всю прогревало углы моей квартиры. На улице можно было обходиться без тяжелой суконной кепки, и только ночью бывало зябко от пронизывающего ветра, да частый туман мешал полноценно прогуливаться с карликовой таксой, то и дело бросающейся в погоню за пробегающей мимо крысой или случайно отбившейся от дома кошкой.

Проснувшись в три часа утра в последнее ноябрьское воскресенье, я хотел было посмотреть телевизор, но антенна почему-то не работала, и пустой голубой экран только раздражал невозможностью привычно разнообразить свой досуг. Читать не хотелось; под руку попался калейдоскоп, любимая игрушка моего уральского детства, но, покрутив зеркальную трубку и быстро насытившись прихотливостью цветных геометрических узоров, я вдруг вспомнил подлинные африканские россыпи драгоценных камней, явившиеся моему взору без малого десять лет назад, и ощутил тяжелый и липкий запах тропиков неожиданно изученного мною в деталях загадочного черного континента.

Первой причиной моего появления в джунглях Африки было ненасытное детское чтение и возникшее из книг желание как можно ближе узнать быт и нравы *иных* людей, из которых формировались долгое время рабы, самое проклятое людское сословие, и еще большая тяга помочь этим вынужденным изгоям, по возможности защитить их от гнетущего произвола.

Наверное, доктор Фрейд разглядел бы здесь глубоко загнанную в подсознание мысль о неполноценности физически слабого подростка, угнетённого к тому же неожиданным известием о собственной незаконнорожденности и отсутствием ближайшей перспективы перемены к лучшему в жизни. Конечно, не обошлось и без женщины, пресловутого «шерше ля фам». Неожиданное знакомство с миловидной хорошо одетой дамой в книжном магазине «Мо-

сква» во время презентации нового романа Людмилы Улицкой привело меня вскоре в салон Евгении Дмитриевны Добрянской, доктора экономических наук, сподвижницы академика Аганбегяна, а по своим увлечениям — художницы и поэта. Причем оба её хобби были настолько профессиональны, что я, Владимир Михайлович Гордин, бывший врач и какой-никакой писатель, сразу оказался востребован, помимо дружеского общения, еще и в качестве редактора и искусствоведа.

Мы охотно обменивались книгами, нередко вели разговоры, сопровождаемые чаепитием или качественным французским коньяком, о смысле жизни. Однажды Евгения Дмитриевна рассказала, что сейчас она занята разработкой урановых копей, часть которых недавно приобрела в собственность. Она была осведомлена о моих тогдашних неудачах и, искренне желая помочь, предложила за приличное вознаграждение отправиться на несколько месяцев в самое сердце Африки в качестве её дозорного, чтобы проинспектировать свежим глазом технологические преобразования на копиях.

2

Поразмыслив несколько дней, я дал согласие и уже через неделю оказался в африканском посёлке на берегу небольшого залива. Здания, образовавшие центр населённого пункта, были преимущественно одноэтажные, однако для моего кратковременного проживания выделили двухэтажный коттедж, впрочем, вполне заурядной архитектуры. Стены его были внутри когда-то оштукатурены, но регулярные сезоны дождей, словно подгулявшие декораторы, заполнили прежнюю светлую поверхность подобием фантастических карт то ли неизведанных земель, то ли звёздного неба; так, по крайней мере, воспринимались разноцветные коллажи случайно возникших пятен.

Чуть поодаль располагались убогие строения, где и размещались многочисленные аборигены. Их жизнь в основном происходила на грязноватых нешироких улицах, которых в посёлке было всего несколько, пересекавшихся наподобие искривлённой решетки.

Каждая улица являла одну сплошную проезжую часть, отделенную от стен домов или невысоких заборчиков открытой сточной канавой. Тротуары полностью отсутствовали, и все прохожие, мужчины, женщины, дети, всевозможные тележки, велосипеды, нечастые автобусы, преждевременно со-

старившиеся автомобили, а также домашние животные, в основном козы и коровы, и многочисленные бродячие собаки двигались одновременно в двух противоположных направлениях.

За сточными канавами любопытствующему взгляду представала обыденная жизнь семьи и жалкий домашний обиход. Женщины готовили кушанья, чистили и разминали маниок, пекли на углях клубни таро; изредка доносился запах какого-нибудь странного мясного блюда, приготовленного, возможно, из кошки или крысы. Здесь же стиралось и просушивалось жалкое белье, шла интенсивная торговля импортным аспирином и разноцветными презервативами, самодельным печеньем и жевательной резинкой.

С первых же часов пребывания в этом благословенном местечке, бродя по нему в приподнятом настроении и удивляясь местной натуре, я то увязал в земле, то утопал ногами в животных, а может и человеческих фекалиях чуть ли не по самую щиколотку, то неожиданно спотыкался, едва не ломая ноги в глубоких выбоинах и ямах.

Самая широкая центральная авеню тянулась чуть ли не на три километра и носила имя губернатора Форбса. В её середине возле не разобранных за два столетия руин губернаторского дворца чудом сохранился памятник грозному покорителю здешних мест. Могучий толстяк то ли держал за флагшток, на котором лениво надувался ветром выцветший трёхцветный флаг, то ли держался за него. Другой же мощной рукой крепко прижимал голого губастого негритёнка, с сыновней улыбкой взирающего на приласкавшего его белого господина.

Посреди руин бурлил местный рынок, где основными атрибутами были фрукты-овощи и образцы местных ремёсел. Казалось, что по меньшей мере девяносто процентов здешних женщин выставили на маленьких столиках свой однообразный товар: до десятка апельсинов, несколько банановых гроздьев, изредка — кокосовые орехи. Большинство потенциальных покупателей просто слонялось по рынку, убивая попусту время. Они обращали внимание в основном не на товар, а на относительно юных продавщиц, разодетых столь красочно, что издали рынок напоминал скорее ботанический сад, заполненный щедро цветущими экзотическими растениями. Немногочисленные торговцы мужского пола сгрудились за одним длинным прилавком, прикрытым навесом от палящего солнца и безудержных ливней. Они предлагали очаровательные статуэтки из черного и красного дерева, любовно выточенные женские головки, раскрашенные маски, серебряные цепочки, ожерелья из

магических орехов и сабли в ножнах из тисненной цветной кожи. Меня было заинтересовала стройная девушка, продающая кокосовые орехи, и я попытался переброситься с ней несколькими фразами на «пиджин-инглиш»; увы, помимо родного языка, она говорила только по-французски.

Мужчины тут же прекратили торговлю и подошли поближе, внимательно наблюдая за моими действиями. Когда я благоразумно отошел, они явно были разочарованы. А наиболее предприимчивый из них, форменный красавчик с черными усиками, обратился ко мне на сносном английском с вопросом, не желаю ли я провести замечательно время в обществе приличных женщин, и угодливо показал в сторону открытого кафе, где пустовали почти все столики за исключением одного, за которым щебетала стайка эбонитово-черных красоток.

Я отказался, но настойчивый красавчик еще довольно долго сопровождал меня во время дальнейшей прогулки, деликатно держась в отдалении.

Остаток дня я провел в своем коттедже, на первом этаже, коротая время за бутылкой дрянного бренди и несколькими чашками растворимого кофе. Телевизор барахлил, так что только классическая музыка из портативного радиоприёмника скрашивала настроение. Опорожнив полегоньку литровую ёмкость, я созрел для сна и отправился в спальню. Над широкой кроватью была растянута противомоскитная сетка, напоминающая гигантскую свадебную фату, однако москиты легко проскальзывали сквозь самые крохотные, чуть ли не булавочные отверстия. Стоило только погасить свет, как сначала раздавался отвратительный пронзительный писк, потом летучие твари, словно управляемые микроракеты, упорно выписывали свои бесчисленные спирали и штопоры, пока не переходили в окончателное пике и не вонзали стремительно свои острые иглы. Убив одного-другого свирепого налетчика, я выключал торшер, пытался кое-как заснуть, и всё опять повторялось как в дурном, заевшем на одном кадре, фильме.

Не выславшись, утром я отправился в управление урановой компании, где обнаружил полное отсутствие сотрудников, которые, оказывается, уже несколько дней находились непосредственно на разработках. Там произошла серьезная авария с человеческими жертвами, о чем сообщил мне единственный клерк, дежуривший у телефона и факса. Меня попросили подождать несколько дней.

В коттедже меня гостеприимно встретили полчища всевозможных насекомых: пауки и сороконожки, жуки и муравьи, клубы мелких мошек и тучи

крупнокалиберных мух. Впрочем, при моем появлении они тут же на время бесследно исчезли. Единственный ущерб, который я обнаружил, состоял в исчезновении шоколадных конфет в коробке, неосмотрительно оставленной на столе рядом с пустой бутылкой из-под бренди.

Так как от кофе я благоразумно воздержался, то ночь проспал, как говорится, без задних ног. Утром с трудом поднялся с постели, сил не было никаких. «Неужели малярия», — с испугом подумал я и вяло дотащился до местной поликлиники. Она располагалась в бывшей казарме, в которой до того последовательно сменилось несколько национальных подразделений в зависимости от верховной власти: голландцы, французы, немцы...

Ветхий барак плотно окружала безучастная толпа аборигенов, страдающих всеми мыслимыми и немыслимыми недугами. Они ожидали приема, кто на корточках, а кто и просто лежа на голой земле среди окурков и плевков.

Я протиснулся внутрь, разыскал доктора-аллемана, который не только полностью успокоил меня, но и выдал несколько упаковок лекарств, главными из которых были рыночный аспирин, персен и лёгкое снотворное.

Через два дня я был почти в норме и решил самостоятельно отправиться в сторону копей. Время шло, надо было отработать аванс, к тому же мне было неудобно перед приятельницей, которая не столько ждала от меня подробного отчета, сколько хотя бы достоверного сообщения о происходящем.

3

Единственной оказией оказался подержанный расхлябанный «Берлиер», грузовик французского производства, приспособленный для езды по бездорожью в пустыне. Внушительные габариты и высоко задранный пузатый воздушный фильтр придавали ему сходство со старым локомотивом, зато можно было с удобствами перевозить кожу, кофе и хлопок. Рейсовые автобусы в сторону копей не ходили, самолеты и вертолеты не летали, и только водитель грузовика, босоногий мавр в длинной, до щиколоток, галабийе цвета индиго, согласился довезти меня до ближайшего к месту назначения перекрестка, на котором располагался небольшой хозяйственный оазис — бензозаправочная станция, от которой мне предстояло совершить пеший переход длиной в пятьдесят километров до конечного пункта моего путешествия.

Мне было не привыкать много и далеко ходить пешком, в студенческие годы я был истовым марафонцем и легко одолевал подобные маршруты. Другое дело, эта неизведанная страна, но гражданской войной пока, слава богу, не пахло, черное население к белым относилось с большим почтением, к тому же дежурный по управлению авторитетно заверил, что будущая прогулка меня только развлечет. В дополнение мне был выдан мобильный телефон, который в то время был еще редкостью.

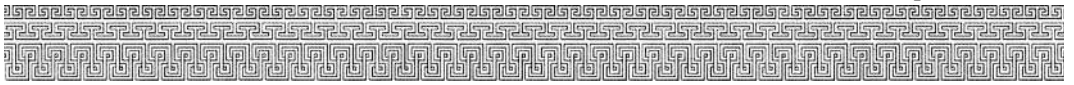
Дорога до копей должна была занять три-четыре дня, если не случится ничего непредвиденного. Первые сто километров грузовик катил по асфальту, потом плоскогорье перешло в каменистые отроги, а удобное шоссе обратилось в горный уступ, покрытый стреляющим из-под колёс гравием. Несколько сотен метров грузовик карабкался по самому краю пропасти, пугая зависаниями колес над бездной. Стояла несносная жара, водителя и меня заливал пот, и к концу дня мы оба покрылись толстым панцирем грязи и пыли. У водителя Махди глаза опухли и покраснели. Было тяжело дышать. Подувало и настроение, когда от водителя я узнал, что путешествие вовсе не так безопасно, как расписывали до сих пор, не только из-за ненадежности самого пути, который в случае дождя и тем более ливня мгновенно превращается в топкое болото, но, прежде всего, из-за безраздельно властвующих ночью банд, промышленяющих дорожным разбоем, которые называются «шифта». Состояли они чаще всего из безрассудных подростков, которые обирали попавших в их лапы странников дочиста.

Первую остановку мы сделали в небольшом посёлке, где нашли некое подобие кемпинга. Оставив грузовик на попечение охранника дорожной гостиницы, отправились на местный рынок. На главной площади стояли лотки с обветренной бараниной, крупной фасолью и традиционными крупами: пшеном и ячменем; а также — с помидорами, луком и красным перцем. Несколько поодаль торговали хлебом и овечьим сыром, консервированными сардинами, печеньем и вафлями, сахаром и кофе — почти полным набором цивилизационных благ. Только вот покупателей совершенно не было. Царила полная тишина. Торговки томились без дела, единственно — отмахивались от мух.

Мухи окутали рынок сплошным коконом, от них, ошалевших и злобных, не было отбоя.

Пройдя рынок, уже на соседних улочках мы увидели множество отощавших людей, неподвижно лежавших в полном изнеможении. Чувствовалось, что они буквально умирают голодной смертью, не имея ни кусочка пищи,

ни глотка воды. Только троица мужчин сотрясалась в конвульсиях. «Малярия!» — пояснил водитель. Я почувствовал свою полнейшую беспомощность, так как мог помочь продовольствием от силы одному-другому несчастному, но стоило только шевельнуться в этом направлении, как меня бы буквально смела волна очнувшихся от тупого обморочного бессилия людей и мгновенно растерзала бы, как красные муравьи объедают кость, не оставляя на ней даже мясного волоконца.

Наутро «Берлиер» возобновил свой неуклонный бег. Махди выглядел отдохнувшим и держался вполне по-королевски. Вообще, давно подмечено, что водитель грузовика является подлинным хозяином этого особого мира африканских трасс, дорог и тропинок. Легковые машины не могут передвигаться по бесконечным выбоинам, колдобинам и бездорожью; зато грузовик пройдет повсюду, как танк. Совместное путешествие наше продлилось ровно столько, сколько и обещал водитель. В два часа пополудни на третий день мы подкатили к бензозаправке, где Махди пополнил бак грузовика и, радушно улыбнувшись, пожелал мне счастливого пути.

4

Я остался на шоссе, растерянный и удивленный. Здесь оказался совсем другой мир — Африка влажных тропиков, буйная, неистово размножающаяся через разветвления корней самопроизвольным черенкованием и почками. Последние несколько сот метров до бензозаправочной станции дорога вообще проходила в узком тоннеле между двумя мощными стенами густой сочной зелени. Стоит заметить, что в Африке часто соседствуют зоны с различным климатом. И соответственно невообразимы и разнообразны здесь флора и фауна.

Я не решился тронуться в путь в тот же день и решил заночевать на бензозаправке, в последнем оазисе цивилизации. Мне выделили скромное койко-место в пристройке, бросив циновку для сна прямо на пол. Злые и нетерпеливые как собаки, а еще точнее, как шакалы, тут же на меня набросились москиты, но после дорожной тряски я уже совершенно не обращал на них внимания.

Утром я обнаружил, что в очередной раз очутился в ботаническом заповеднике: банановые и кокосовые пальмы, тамаринды и кофейные кусты рос-

ли в сказочном беспорядке, радуя не избалованный роскошью природы взор. Стоило пройти буквально пятьдесят-сто метров, как в зарослях лопухов и камышей обнаружился узкий, медленно струящийся ручей. Я не только совершил утреннее омовение, но и вволю напился.

Затем, вернувшись в строение, я позавтракал миской матоки — это традиционное блюдо из разваренных зеленых бананов — и куском кукурузной лепешки. Завершил трапезу стакан сладкого горячего чая.

Местные служащие очень уговаривали меня пожить здесь хотя бы несколько дней, ибо приезжие воспринимаются на самом краю цивилизации словно инопланетяне, и их стараются приветить как необычайно важных персон, не говоря уже о профите, получаемом с неожиданного туриста. Но я отклонил уговоры и, выверив нужное направление, уверенно и энергично зашагал в сторону урановых копей.

5

Тропа, утопающая в буйной зелени, казалась донцем широкой растительной трубы, с избытком наполненной испарениями, напоминающими коктейль из гнивающего мяса и печеной кассавы, свежих цветов и протухших водорослей, наконец, запаха вяленой рыбы и разогретого потного тела... А еще мерещились запахи экзотических колониальных товаров вроде шафрана, кардамона, гвоздики, ванили, лаврового листа и какао... От этих испарений кружилась голова, наступило даже некоторое опьянение, и уже через несколько десятков метров я шел, пошатываясь, в том числе и от груза впечатлений. Время от времени я спотыкался о старые полусгнившие стволы деревьев, покрытые, словно диковинным ковром, цветущими орхидеями. Каучуковые лианы висели как громадные портьеры или сплошные ряды физкультурных канатов, скрывая веерные и финиковые пальмы, фиговые и хлебные деревья, высокие акации и гигантские молочаи.

Иногда между лиан пролетали стайки разноцветных попугаев и перепрыгивали с ветки на ветку очаровательные обезьянки, важно надувающие щеки с развевающимися бакенбардами и высовывающие, как бы дразнясь, язык. Описать причудливое лесное разноголосье я просто не в силах: то словно бы кто-то хлопал в ладоши, то раздавался скрип дверных петель, то звучала пила, сменяющаяся звоном литавр, а кошачье мяуканье и нечеловеческий рык довершали музыкальную пьесу.

В оторопи я неоднократно был готов повернуть назад. Слава богу, пока еще не попало скрещения троп, и я не был поставлен перед выбором правильного пути. Однако уже стало посасывать под ложечкой предчувствие предстоящей неприятности или очередной потери. Как же потом я жалел, что не догадался захватить с собой хотя бы одного провожатого, понадеявшись на пресловутый русский авось.

Хотя солнечные лучи не пробивались сквозь полог густой зелени, чувствовалось, что пока продолжается день. Прибавив шаг, я невольно залюбовался тюльпановыми деревьями, напоминавшими восхитительные клубы алого пламени или же сказочные букеты из красной вуали. Один моих предшественников-поляков назвал эти дикорастущие лилиодендроны из семейства магнолиевых высшим проявлением экстаза тропиков и в то же время почти лунатической оргией очарования и красоты. Ах, Аркадий, какие бесподобные сравнения умеете вы подобрать и совершенно по-польски подпустить шпильку!

Однако в этом парадизе, заповеднике растений и животных, были и свои червоточины, если не выразиться еще точнее и страшнее. Несколько раз за первые два часа пути мне встретились ядовитые змеи.

Одно пресмыкающееся, огромная мамба толщиной около пяти сантиметров в районе шеи и свыше пяти метров длиной, бросилось мне в глаза, когда я погнался за бабочкой и случайно отвалил ногой тяжелый камень, лежащий на обочине тропы.

Зеленая с черными прожилками змея мгновенно проснулась, потревоженно зашипела, раздув шею наподобие резиновой манжеты и угрожающе высунув раздвоенный язык, но что-то во мне показалось ей крайне опасным, и она быстро исчезла в густых зарослях, моментально слившись с ними расцветкой.

Боевая раскраска следующей мамбы была грязно-желтой; обвившись вокруг ветки дерева, она свешивалась, словно лиана, и угрожающе раскачивалась между стволами. Тут уже я постарался исчезнуть как можно быстрее. Часом позднее я реабилитировался в собственных глазах и крепким острым суком прибил короткую черную змею с белым пятном наподобие манишки, сумев насквозь пронзить её недалеко от основания черепа.

Я собирался одолеть расстояние до копей примерно за двенадцать-четырнадцать часов, но не учёл, что темнеет здесь относительно рано, примерно в пять часов пополудни. Соответственно, выйдя в восемь утра и прошагав

без отдыха восемь часов, сделав только получасовой привал для принятия пищи, я был буквально ошарашен резко свалившейся тьмой. Только что был день — и вдруг наступила ночь, как будто кто-то, щёлкнув выключателем, погасил солнце. Мрачная ослепляющая знойная и душная тишина застала меня буквально на полушаге, словно внезапно реализовавшийся кошмар. Я был вынужден остановиться и зажечь электрический фонарик. Собрал самые сухие сучья, наломав гибких ветвей вместе с листвой, я для успокоения запалил костёр. Пожара я не боялся, но на всякий случай окопал костровище охотничьим ножом, замкнув круглый ров глубиной с собственным локоть.

Сидя возле живого огня и сторожко приглядываясь к причудливым теням, колышущимся в лад моим редким передвижениям, я постоянно прислушивался к дыханию ночных тропиков. Постепенно тишина стала прерываться шорохами и различными звуками; казалось, босые ступни резво шлепают по влажной почве.

Всматриваясь до рези в глазах в сплошную стену потемневшей зелени, я вдруг заметил мелькающие прозрачные фигуры, петлявшие и кружившие в некотором отдалении от костра. «Неужели привидения?» — мелькнула поначалу сумасбродная мысль.

Возможно, это было рядовое мельтешение облачка светляков или просто перепархивание птиц с ветки на ветку, однако призрачное зрелище не только завораживало, но и вызывало основательный страх. Размышляя над возможной причиной явления, я не заметил, как задремал и очнулся только на утренней заре, когда слабые следы солнечных стрел пронзили густой свод зелени. Костер давно и благополучно погас, можно было двигаться дальше.

Я забыл сообщить, что, помимо штык-ножа, для самообороны у меня имелись карабин и пистолет «Беретта» с изрядным запасом патронов не только в патронташе, обвивавшем галию (или то, что должно было ею именоваться), но и в рюкзаке, который вообще был напичкан всевозможными прибаббасами настоящего охотника за черными алмазами. Такое хобби я придумал себе сам, ибо в районе урановых копей, по сбивчивым сообщениям тамошних разработчиков недр, водились многочисленные россыпи черных драгоценных камней. Впрочем, во время вынужденной ночевки в тропическом лесу я, напряженно всматриваясь в ночной мрак, кажется, сумел заметить фантастический миг, когда этот мрак стал густеть, уплотняться, собираясь в чер-

ные кристаллы, которые хорошо известный мне поэт точно окрестил «иглами мглы». Уверенно шагая по тропе, я боялся только внезапного ливня, если не считать неожиданного нападения хищников. Но то, что случилось вскоре, превзошло все мои ожидания.

Внезапно раздался оглушительный грохот, как будто выстрелила царь-пушка или взорвался пороховой склад.

Обе боковые стены зелени изогнулись, и тут же быстро стали рушиться, словно кости гигантского домино. Клубы земной пыли фонтанами взмыли вверх и, заваливая смешавшейся с воздушной влагой рыхлой массой почвы все вокруг, свалили меня с ног и покатали куда-то в разверзшееся впереди ущелье. Последнее, что я запомнил, был стремительный поток воды, потащивший меня, словно обрубок бревна, в полную неизвестность.

6

Очнулся я (или то непонятное существо, которое выжило в происшедшем Армагеддоне землетрясения, а это было именно землетрясение) в допотопной хижине из тростника и пальмовых веток, скрепленных лианами, на тугой циновке из кокосовой стружки, накрытый легкой накидкой, сплетенной из неизвестного растительного материала, и полностью окруженный полуголыми, а то и вовсе голыми чернокожими девочками-малютками. Увидев, что я наконец пришел в сознание, они радостно захлопали в ладоши, а хорошенькая сиделка, сидящая на корточках возле моего изголовья, тут же подала деревянный сосуд, вернее, половинку кокосового ореха, наполненную странно пахнущей жидкостью молочного цвета, которую жестами заставила меня выпить, после чего я снова провалился в сладкий дурман. Мне приснился сон, где я в виде огромного павлина прохаживался в клетке из золотых прутьев, пытаюсь протиснуться между ними, а всевозможные создания, тоже птичьего облика, приставали ко мне с поцелуями, которые больше походили на щипки, ибо совершались посредством гулко щелкающих костяных клювов. Открыв глаза, я обнаружил над собой то же переплетение пальмовых ветвей и рядом всё ту же очаровательную крошечную негритянку, обмахивающую меня веером, чтобы ни один зловредный комар не покусился на мои полностью обнаженные чресла, хотя рюкзак и подобие какой-то одежды виднелись чуть поодаль, возле выхода из хижины.

Девочка что-то мелодично произнесла на непонятном языке и вскоре перешла на язык жестов, который с грехом пополам оказался мне более понятен. Я уяснил, что меня случайно обнаружили на берегу уже промчавшей основные бурные воды реки полужасыпанным илом, без сознания, но, к счастью, сохранившим дыхание. Положив на пальмовые листья, сердобольные девочки волоком дотащили меня на стоянку своего племени. Предводительницей пимпедов тоже была девочка, только постарше, лет семи-восьми; среди пимпедов царил самый настоящий матриархат.

Всё племя состояло из эдаких мини-амазонок, внешне пред-лолиточек, но все-таки вовсе не девочек, особенно в плане психического развития, а настоящих крошечных женщин, лилипуточек.

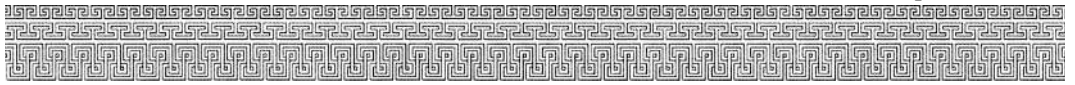
Примечательно, что у всех особей женского пола глаза были ярко-зеленого цвета, а жгуче-чёрные волосы обязательно заплетались в миниатюрные косички-дреды числом не менее сотни. Мужчин же я не встретил ни единого, разве что существовал колдун, о котором я был наслышан, но так и не сподобился лицезреть. Я вспомнил, что в «Хронографе 1617 года», замечательном памятнике древнерусской литературы, имеется упоминание о людях-пимпедах, которые именно так и назывались. Ростом они были весьма невелики. Век их также был недолог, всего-то лет 8. А жены их начинали рожать в пять лет. Тотемным символом их были журавли, ездили они на козлах и метко стреляли из луков. Весьма курьезные сведения, которые казались чистой фантастикой, пока не угораздило увидеть их олицетворенными.

Девочку звали Молли, она оказалась дочкой предводительницы племени, которой местный колдун еще три года назад предсказал встречу с лунным человеком, который полностью перевернёт её судьбу. Белый цвет моей кожи означал для амазонок-пимпедов истинно лунное происхождение.

Оказалось также, что чернокожие искусительницы вовсе не собирались держать меня в черном теле. Как только я встал на ноги, они устроили мне экскурсию по окрестностям, из которой я понял, что живут пимпеды крайне изолированно и практически не общаются с другими африканскими племенами. Их территория занимала дно гигантского каньона с такими отвесными стенами, что было невозможно подняться наверх без альпинистских спецсредств, да и с ними — не факт.

Мне пришло в голову сравнение с гигантской стеклянной банкой, на дне которой располагался удивительный мир, в миниатюре повторяющий особенности всего континента. Там были свои джунгли и свои пустыни, свои

животные, птицы и только племя, к счастью, было одно, избавленное от сражений с возможным противником.

Хижины пимпедов отличались от обычных африканских мазанок-колод с глиняными стенами: они были очень узкими и довольно высокими, — с крышей, похожей на кокетливую лохматую шапочку. Внутри они были неестественно малы, примерно два метра в диаметре. Лично мне спать приходилось всегда несколько скорчившись. Зато в случае необходимости хижину легко можно было разобрать и перенести куда угодно.

Текущая по дну каньона речка была скорее неглубоким ручьем, почти полностью засыпанным песком и гравием. Только мощный поток воды, вызванный землетрясением, прошумел и исчез почти бесследно, если не считать моего вынужденного пребывания в этих весях.

Если пройти вдоль каменистого русла, то на краю пимпедовской ойкумены можно было обнаружить, что мелководная струистость постепенно падает всё ниже и ниже, пока не достигает крутого порога, откуда и низвергается окончательно в глубокую пропасть, можно сказать, бездну. Это и есть водопад Меренга, о котором в современных логиях существует лишь скудное упоминание. Совершить же спуск на лодке или привязанным к бревну, а уж тем более безо всяких плавсредств равносильно продуманному самоубийству. Другим поразительным открытием было то, что все стены каньона представляли собой отвесные алмазные грани поразительно черного цвета, то есть пимпеды жили внутри высверленного чудовищной силой исполинского алмаза. Редкие катаклизмы вызывали отщепление каких-то алмазных крох, которые пимпеды использовали в качестве наконечников для копий и стрел. Острые плоские пластинки нашли применение в домашнем обиходе в качестве безотказных ножей. Ручки для них выстругивали из черного или красного дерева.

Очень скоро я выучил пимпедский язык почти в совершенстве. Полный его словарь состоял всего-то из сотни слов, синтаксис отсутствовал полностью, заменяясь искусной жестикуляцией. Не поручусь, но у пимпедов возможно имелись и какие-то начатки телепатии. Во всяком случае, общаясь друг с другом, они чаще всего прекрасно обходились вообще без слов. Понял я и свое предназначение, когда Молли в первый же вечер забралась ко мне под накидку и, совершенно недвусмысленно дав понять о своем совершеннолетию по местным обычаям, почти насильно совершила обряд собственной инициации.

Я, увы и ах, понимал неотвратимость и необходимость быть на высоте положения, этому помогло и состояние опьянения, возникшее из употребления очередного коктейля, только уже зеленого цвета. Измученный сладостью общения и одновременно испытанием моей нравственности, ощущая какую-то мерзкую гадкую дрожь во всем теле, я заснул только под утро, спрятав голову под мышкой у чудесной девочки, куклы-жены и безмятежно улыбаясь во сне.

7

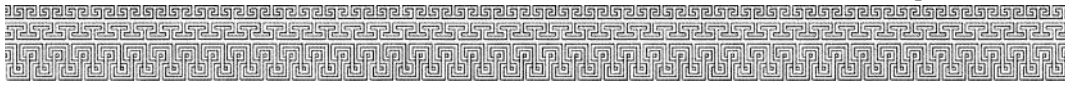
Утром я вскочил настолько свежий, что готов был своротить даже алмазные горы. Но, оказывается, всего-то пришлось прилагать одни и те же однообразные усилия по инициации уже всего племени.

Выяснилось, что или в первую, или во вторую ночь моего тотального обручения с племенем умер старый колдун, и ко мне окончательно перешли все его обязанности и функции. Колдун при жизни обретался не в хижине, а в небольшой естественной пещере, удивительно напоминавшей некий важный человеческий орган, именовавшийся пимпедами Вратами Рая. Молли совершенно не ревновала меня к моим гуманитарным обязанностям, прилежно готовила коктейли и отвары, придававшие силы для выполнения поставленных задач, шептала в моменты близости, что я вовсе не такой уж большой и толстый, следовательно, ей чрезвычайно мил. Через две недели обнаружилось, что она уже на сносях и нужно на время прекратить нашу совместную жизнь. Тогда-то мне пришлось переселиться в пещеру колдуна, которая была для меня все-таки тесновата. Кстати, цикл созревания пимпедского зародыша равен всего трём месяцам.

Незаметно, через каких-то восемь-девять месяцев, я оказался относительно счастливым отцом чуть ли не трехсот восхитительных младенцев, как на подбор — девочек. Интересно, что среди них не было ни явно белокожих, ни абсолютно чернокожих особей; все они обладали кожей цвета золы, а их глаза были неопределенно переходного цвета, который имеет шкурка банана в пору вызревания, что-то промежуточное между зеленоватым и слабо-желтым оттенками. У меня было двойственное состояние и двойственное положение.

С одной стороны, я свыкся со своим положением «самца-производителя» и чуть ли не претворял на практике философию гедонизма, гоняясь за ба-

бочками, изучая жизнь красных муравьев, сажая на ладонь божью коровку и, приговаривая известное присловье, ожидал её отлета, пытаюсь загорать под тропическим солнцем и окатывая себя прохладной водой из ручья. А то брал с собой девушек на прогулку к водопаду и пугал их своей решимостью броситься в пропасть. С другой стороны, мне безумно осточертела подобная жизнь, и я был готов на всё, лишь бы вернуться в прежний мир с его заботами, проблемами и очевидной несправедливостью, а главное — с настоящей любовью.

Сегодня, размышляя о девочках-пимпедах в давно прошедшем времени, я отчетливо сознаю, что только к Молли у меня была определенная сердечная привязанность, к остальным женщинам племени наличествовало только функциональное обязательство, сравнимое, например, с деятельностью профессионального массажиста или врача-гинеколога; то есть это была вроде бы работа-служба по общественному договору.

Свободы выбора у меня с самого начала, с первого дня пребывания в этом затерянном мире не было; в случае отказа меня, по объяснению предводительницы племени, ожидала неотвратимая расправа, жестокая казнь. Нередко я почти физически ощущал холодные прикосновения алмазных лезвий к своей шее.

8

Стоит, наверное, подробнее рассказать об обычаях и нравах пимпедского племени. Его представители, конечно, язычники. Уже говорилось, что тотемом племени являются журавли, особенно ценятся белые птицы. Сова, сидящая на ветке в пределах стоянки, считается вестницей беды; место, где она сидела, подвергается обряду очищения. Если коза забежит в шалаш или вскочит на крышу хижины, её немедленно забивают алмазным ассагаем, легким копьём с граненым алмазным наконечником, скреплённым с древком железными кольцами. Некоторые острия раздвоены наподобие гарпунов. Широко распространено куренье и нюханье табака, у каждой трёхлетней девочки есть своя любимая курительная трубка, где чубук изготавливается из продолговатой, оплетенной сеточкой тыквы, узкий конец которой служит мундштуком, а головка изготавливается из обожженной глины. В ходу также кальяны, через воду предпочитают курить даху — высушенные листья одного из сортов конопли. В широком обиходе табакерки из слоновой кости и из зуба бегемо-

та, а также из рогов животных и даже из ореховой скорлупы. Из украшений особым спросом пользуются стеклянные бусы, которые заменяют при взаиморасчетах деньги; в прическу, помимо косичек-дредов, втыкают два или три красивых пера. Важным атрибутом являются ножные и ручные браслеты либо из металла, либо из слоновой кости.

Пимпеды — прекрасные танцоры. Танец для них — образ жизни он исполняется по нескольку раз на дню. Девочки замыкают круг и начинают ступать аккуратными маленькими шажками друг за другом вперед и назад в ритме звуков барабана, а руками, согнутыми в локтевых суставах, производят плавные, хорошо отработанные движения, напоминающие отсечение головы врага. Словом, танец настоящих амазонок, также описанный в исторических хрониках.

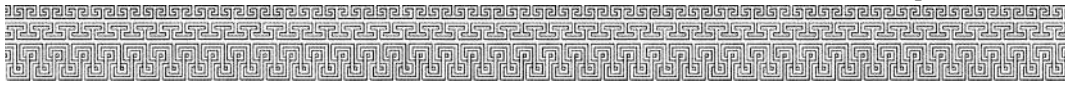
Все важные решения и мероприятия обязательно обсуждаются на сходе-пишо. Однако окончательное решение всегда принимает предводительница племени — морена. Колдун занимается лечением больных, готовит облавы на зверей, вызывает дождь в случае длительной засухи, отыскивает вора, но главная его обязанность — воспроизводство рядовых членов племени. Погребальные обряды совершаются ночью, покойную привязывают к двум склонённым деревьям, которые разрывают тело либо сразу, либо через несколько дней.

Девочкам перед инициацией долгое время не разрешают спать, для чего их усаживают на деревянные ступы-зернодробилки. В случае если девочка задремлет, она теряет равновесие и сваливается со ступы. Широко практикуется обряд очищения по различным поводам: охотников, вернувшихся после охоты; женщин, разрешившихся от бремени; тяжелобольных. Одной из форм очищения является бритьё головы при помощи алмазного ножа.

Я уже рассказывал, что особенно полюбились мне прогулки к водопаду Меренга, поражающему не столько мощной массой падающей воды, сколько высотой обрыва, с которой она низвергалась. Самый край пропасти был настолько скользким, что подойти к нему было невозможно. Пугали также рассказы о крокодилах, кишущих на дне пропасти в ожидании зазевавшихся невольных жертв. Оставалось только прохаживаться по пружинящему ковру из мелких цветущих растений и мха, пропитанного водяной пы-

лю, и мечтать о чудесных способах благополучного перемещения из неожиданной алмазной ловушки. Мой мобильник был утрачен во время землетрясения и насильственного сплава по взбесившейся реке. У пимпедов отродясь не было никаких сношений с внешним миром. Оставался один путь — через водопад, но даже если не учитывать зеленых зубастиков внизу, сам прыжок в бездну мною исключался начисто. Была бы под рукой хоть какая-то бочка, которую можно было заполнить для амортизации кокосовой стружкой, я бы, пожалуй, рискнул. И тут меня осенило: надо соорудить дельтаплан и спланировать куда-нибудь поближе к цивилизованным местам. Только работать над ним надо в строжайшем секрете, ибо, несмотря на свою внешнюю инфантильность, амазонки-пимпедки были достаточно изощрены в миропознании, а уж пресловутая женская интуиция вообще выше всяческих похвал! Тогда я решил «прикинуться шлангом» и стал мастерить воздушные змеев. В детстве я когда-то весьма увлекался этим занятием, и мне было нетрудно восстановить основные навыки. Первые змеи были размером с носовой платок, потом они выросли до масштаба развернутой полноценной газеты и, наконец, я соорудил змея-гиганта величиной с комнатный ковёр. Молли, занятая нашей семимесячной дочуркой Нави, смотрела сквозь пальцы на новое увлечение своего любимого. Её мать, соответственно, моя тёща (в силу её возраста я, слава Богу, был избавлен от всех других отношений, кроме совместного чаепития и кальянокурения), понаблюдала совместно с другими девочками за запусками всех летучих существ, махнула рукой на чудаковатого изобретателя и тем самым дала мне возможность начать строительство дельтаплана. Несколько пробных летательных аппаратов с привязанными алмазными булыжниками в качестве груза были запущены мною с края пропасти и упали в бассейн реки, служащий продолжением водопада. Самый последний после сборки был несколько раз обследован мною на предмет прочности всех соединений и спрятан среди зарослей цветущей акации.

Бежать я решил непременно ночью, вернее, на самом рассвете, когда сторожка очередных дежурных по стоянке заметно падала. Представьте себе, как меня напрягал работающий по-прежнему без выходных конвейер по производству новых сочленов племени! А тут еще нравственные муки из-за невозможности взять с собой Молли и Нави. Я было попытался поговорить с Молли о предположительном путешествии за границы алмазной банки, но она об этом и слышать не хотела. Кстати, я научил её нескольким русским

выражениям, и она очень смешно выговаривала, коверкая звуки: «Йатьебья-лублу!» Нави же довольно бойко тарабарила по-пимпедски и обожала сидеть у меня на шее в самом прямом смысле этого слова. Остатки своего скудного имущества я решил оставить в своей хижине, а на память приготовился захватить только малахитовые бусы и золотой наручный браслет, которые носил по заведенной в племени моде, да еще несколько алмазных камешков.

Больше всего я боялся, как бы не наступил сезон дождей, который ожидался со дня на день. Тогда бы племя перекочевало на другую, более удаленную от водопада стоянку, рядом с пещерой колдуна.

Ночь я почти не спал, Молли почувствовала мое беспокойство, но я отговорился подготовкой нового, небывалого по расцветке воздушного змея и еще затемно пробрался к водопаду, дотащив волоком дельтаплан. С первыми лучами солнца я вделся в постромки руками, для верности еще привязав себя к фюзеляжу в районе пояса, сильно разбежался и, зажмутив глаза, прынул несколько в сторону от бассейна, словно бы кипящего внизу. Когда я открыл глаза, то обнаружил, что дельтаплан поднялся еще выше и, несомый воздушным потоком, повернул, чуть ли не в обратном направлении. Местность внизу казалась однотонным темно-зеленым массивом, но когда аппарат снизился, я стал хорошо различать узкие просеки в тропическом лесном изобилии и, наконец, заметил нечто похожее на укатанную дорогу. С непривычки я едва совладал с перемещением с одного воздушного потока на другой и снижался довольно долго, пока не приземлился, сильно ушибив правую ступню, на широкой поляне в высокую траву, вернее, на опушке могучего леса. Пришлось несколько часов отлёживаться, но, собственно, и спешить особо мне было некуда. Погони за собой я совершенно не опасался. Мысль о том, что я больше никогда не увижу Молли и Нави, острой иглой кольнула сердце, но я постарался отогнать воспоминания, напомнив себе о том, что мог так и остаться мужским приложением к женскому обществу, маленькой сноской в многостраничной книге удивительного племени. «Нет уж, мы еще повоюем! Мы еще увидим небо в алмазах!» — воскликнул я про себя и машинально ощупал мешочек, в котором хранились заветные камешки.

Пришлось выломить себе палку для удобства ходьбы и отправиться, как говорится, посолонь, держась за солнцем. Идти пришлось с перерывами на

отдых часа четыре, продираясь сквозь стену высокой, высохшей и шелестящей на ветру травы.

Наконец я вышел на какое-то поле, где стояли снопы из той же травы, а вскоре заметил поодаль и хижины. Вдруг бросился в глаза двигавшийся навстречу черный остроконечник. Когда он приблизился, я увидел, что это вертикальный шиньон высотой почти в метр, а его обладатель — довольно опрятно выглядевший юноша. Он и препроводил меня в посёлок диаметром около 200 метров, состоящий из хижин, построенных кругом. Промежутки между хижинами были загорожены частоколом, поэтому внутрь поселка можно было попасть только через центральные ворота. Несколько хижин стояли отдельно, в них размещались рабыни. Здешние жители занимались в основном животноводством. Интересно, что мужчины этого племени носят шиньоны, а женщины, наоборот, ходят с наголо обритыми головами. Они отдают свои волосы любимым мужчинам для создания их столь оригинальной прически.

Чтобы нанять себе повозку для возвращения в посёлок, откуда и пошёл отсчёт моих злоключений, мне пришлось пожертвовать несколькими малахитовыми бусинами. Вождь племени вождельно поглядывал еще и на мой золотой браслет, но гуманно не намекнул о желанности такового подарка. Обратный путь у меня занял почти неделю, но ни один грузовик не обогнал меня по дороге. Скорее всего, мы просто передвигались параллельно автомобильному транспорту по дороге, не нанесенной на современные карты. Красоты природы почти не занимали моего внимания, мысленно я был все еще там, на дне алмазной воронки, рядом с Молли и Нави.

11

Время словно остановилось — да и как иначе? — давно подмечено, что Африка — вечная статика. Актриса Клаудия Кардинале, признаваясь в любви к континенту своего рождения, земле обетованной, отмечала, что для нее Африка — место тишины и созерцания. Я тоже, попав сюда, в основном молчал и созерцал. И Африка навсегда осталась внутри меня, словно пустынная песчинка внутри жемчуга, простите за высокопарность.

Еще Африка, это, конечно же, возвращение к истокам, возвращение к природе и безудержная ностальгия по доцивилизационным временам, ностальгия по миру мифов и сказок.

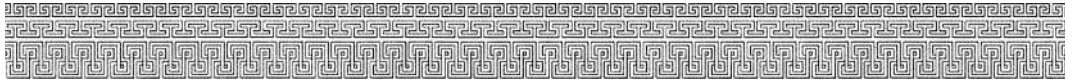
Африка — бесконечное сердечное волнение, почти что молитва. Её алмазные звезды на ночном небе и алмазы-звезды в женских серьгах и подвесках, ясные и чистые, затмевают любые другие своим сверканием. Увидеть небо цвета кобальта без всякой примеси или тюльпановое дерево (вот она, купина неопалимая!), полыхающее алым огнем, — нет большей причины для безотчетной радости. А уж экзотических животных этой самой экзотической на свете земли непременно нужно увидеть в саванне или в джунглях в своей естественной среде, а не дико изуродованными в клетках зверинцев и зоопарков.

Что уж тут говорить, я хотел бы упокоиться только в объятиях своих маленьких девочек, похожих на прикосновения крылышек бабочек, невестомых и охранительно крепких одновременно. Долгое время даже чашка какао казалось мне олицетворением африканского моря, где вода перемешана с землей до равномерно мутной дисперсности, насыщая одним своим видом. Вещи здесь теряют свою материальность и приобретают ценность и значение символов, неважно, что это — глоток воды или горсть зерна, птичье перо или оголившийся череп животного. Метафизический смысл любого понятия переводит задумавшегося в иное измерение, как выразился еще один поляк, в высшую форму бытия — в трансцендентность.

В Африке обнажается самая суть человека, негодяй становится еще большим негодяем, а добрый человек может оказаться подлинным святым.

Уже понятно, что на урановые копи я не попал; подошел срок возвращаться назад, билет на самолёт у меня был со строгой датой. В Москве меня завертели сначала бытовые дела, а потом новый главный редактор влиятельной газеты уговорил меня пойти в штат. Пять лет я отработал редактором отдела, что называется, не зная покоя и сна. Командировки в Африку не выпадали, всё больше по СНГ да по разу в Париж и Лондон. Евгения Дмитриевна Добрянская вышла замуж и уехала в США, возможно, с концами. Я давно не был в её салоне на втором этаже дома рядом с «Театром на Малой Бронной», не пил «Мартель» или «Хенесси» вперемежку с кофе или чаем. Точнее, пить-то пил, но в другом месте и с другими людьми. Когда я попытался отыскать следы племени пимпедов, оказалось, что очередное земле-

трясение так перемешало почву на месте стоянки племени, что не осталось и следов от алмазной горы.

Несколько черных алмазных камешков все еще хранятся у меня в коробке из-под французского сыра, и иногда я достаю их и разбрасываю, как игральные кости, на белой льняной скатерти; они тогда кажутся мне далекими созвездиями, которые довелось случайно увидеть, заночевав в тропическом лесу. А может, настоящие черные алмазы все-таки встретились мне в алмажном каньоне? Они мило улыбались восхитительными лилипутскими улыбками и касались меня, словно крылья гигантских экзотических бабочек, которых, увы, больше не доведется никогда повстречать. Вечный вопрос, на который я до сих пор не нашел ответа.